

саний».¹²² Эти ученые надеялись видеть в приведенном своеобразном отклонении русского перевода отражение знакомства Иосифа Флавия с произведениями кумранской секты.¹²³

Однако против предположений, высказанных Рубинштейном и Филоненко, вскоре же выступил А. Вайан, который, внимательно изучив текст данного места, счел это чтение испорченным и, привлекая чтение Архивского списка, предложил читать вместо «воинский чин» выражение «в кьи чинъ», т. е. «в которое время».¹²⁴ Тогда весь цитируемый отрывок приобретает следующий вид: «Имже им знаема суть зелиа и корени и камени, что где ражаеть ся и на которую страсть потребует ся и въ кьи чинъ, — ведомо им есть от тѣхъ писаний». Это значит: «Им (ессеям) известны травы, и корни, и камни, где который из них рождается, против какой болезни помогает и в какое время, — известно им из этих писаний». Такая интерпретация древнерусского текста несет в себе значительно меньше отличий от общепринятого греческого, сводя их преимущественно к стилистическим. Подстрочник соответствующего места греческого текста гласит: «Изучают они (ессеи) с особенной тщательностью писания древних, избирая из них преимущественно те, которые служат на пользу телу и душе. По ним разыскивают они корни, необходимые для излечения болезней, и познают свойства камней».

Виленская рукопись, положенная в основу нашего издания перевода «Истории Иудейской войны», в данном месте подтверждает чтение Архивского списка, на которое опирался А. Вайан, подвергая критике текст в издании В. М. Истрина.¹²⁵ Поэтому мы вполне можем согласиться с конъектурой, предложенной этим исследователем. Таким образом, данное разночтение не позволяет нам видеть за древнерусским переводом какое-либо чтение, отличное от общепринятого греческого оригинала.

Однако в ряде других случаев привлечение материалов Кумрана вызывает необходимость более углубленных разысканий.

Так, в части 9-й той же книги и главы читается о той особенной строгости, с которой ессеи, в отличие от остальных иудеев, соблюдают покой седьмого дня недели, субботы, когда они стараются избегать даже малейшего труда. Древнерусский текст следующим образом передает это место: «В седмыи днь, и 7-ую недѣлю, и 7 мѣсяць, и 7 лѣто вельми хранить, ни пища строяще, ни огня кладуще, ни сосуды движюще, ни же прохода дѣюще в субботы».¹²⁶

Сравнение с греческим текстом показывает достаточную близость к нему древнерусского, за исключением лишь одного: в нем нет ни малейшего намека на почитание ессеями седьмой недели, седьмого месяца и седьмого года. На первый взгляд могло бы показаться, что и в данном случае древнерусский перевод не дает ничего нового по сравнению с греческим оригиналом, кроме плеоназма, стилистического распространения греческого слова *εβδομάδες* («седмицы»). Однако после того как исследователями был открыт до того не известный древний жреческий солнечный календарь, которого продолжали придерживаться кумранские сектанты в отличие от

¹²² Там же, стр. 254; см. также: V. M. Istrine. La prise de Jérusalem... v. I, стр. 142.

¹²³ M. Philonenko. La notice du Joseph slave sur les Esseniens. — Semitica, VI. Paris, 1956, стр. 69—73.

¹²⁴ A. Vaillant. Le Joseph slave et les Esseniens. — Semitica, VIII. Paris, 1958, стр. 39—40. См. также рецензию С. Шишмана на нашу книгу «История Иудейской войны» (Revue de Qumrân, t. I, f. 2. Paris, 1959).

¹²⁵ Н. А. Меценский. «История Иудейской войны»... стр. 254.

¹²⁶ Там же, стр. 255.